

Свербеев Дмитрий Николаевич

**Записки Дмитрия Николаевича
Свербеева**

Том 1. 1799-1826

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич С.**
Записки Дмитрия Николаевича Свербеева: Том 1. 1799-1826 / Свербеев Дмитрий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 534 с.

ISBN 978-5-519-84996-8

ISBN 978-5-519-84996-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Личность Дмитрія Николаевича Свербеева придаетъ его писаніямъ сугубый вѣсъ.

До сихъ поръ многіе московскіе старожилы помнятъ его, какъ человѣка не только высокообразованнаго,—это явленіе у насъ, къ счастью, не особенно рѣдкое, но еще гораздо болѣе какъ человѣка, живо принимавшаго къ сердцу все явленія жизни умственной и гражданственной его времени, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ; а его время заключаетъ въ себѣ самую важную часть XIX столѣтія, начинающаю отъ бурныхъ годовъ Наполеоновской эпохи и кончающаю еще болѣе существенными для насъ годами великихъ и мирныхъ преобразованій Александра Николаевича Ч. Но особенно выдавался онъ тѣмъ, что все свои способности, все свое широкое образованіе употреблялъ на то, чтобы быть живымъ участникомъ въ дѣлѣ умственного, духовнаго и гражданского преуспѣянія среды, въ которой онъ жилъ. Благодаря образованію, способностямъ и рѣдкой, выдающейся общительности, онъ сдѣлался однимъ изъ средоточій культурной жизни этой среды, соединяя у себя все, что было живаго и мыслящаго, вездѣ, гдѣ бы онъ даже временно ни находился, но преимуществу же въ Москвѣ, обычномъ своемъ мѣстопробываніи. Его, доселѣ почти нецвѣстнаго какъ писателя, можно и должно приобщить къ числу видныхъ дѣятелей умственной жизни Москвы нашего вѣка; а этотъ вѣкъ особенно важенъ въ дѣлоныяхъ Москвы, такъ какъ въ первой его половинѣ въ ней возродилась и развилась та духовно-просвѣтительная сила, которая возвратила ей вновь временно утраченное, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій, значеніе настоящаго культурнаго центра ея же и въ политическомъ отношеніи созданной Россіи.

Поселившись послѣ женитьбы окончательно въ Москвѣ, которая была для него и родной, Д. Н. занялъ въ ней соответствующее своему положенію и семейнымъ связямъ мѣсто, и скоро его домъ, на ряду съ значеніемъ въ свѣтѣ, сдѣлался пріютомъ и всего, что было тогда живаго и мыслящаго.

¹⁾ Д. Н. Свербеевъ скончался въ 1874 г. 13 февраля.

Начиная съ 40-хъ годовъ московская умственная жизнь принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ пѣскаго „Возрожденія“ (Renaissance) и въ немъ домъ Свербеевскій, на ряду съ домомъ Елагиныхъ и другими (напр., Сенинскихъ), сдѣлался однимъ изъ очаговъ той умственной жизни, которая началась единеніемъ въ общей любви къ просвѣщенію всѣхъ молодыхъ силъ и кончилась тѣмъ спасительнымъ для русской мысли развоеніемъ, благодаря которому чисто русское направленіе созрѣло въ борьбѣ съ такими представителями космополитизма, каковыми были Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, Чаадаевъ и иные. Живое участіе, которое принималъ въ этомъ умственномъ движеніи Д. Н., и его полное безпристрастіе къ лицамъ и убѣжденіямъ дѣлало то, что именно у него такъ охотно собирались люди мысли и науки.

Но онъ самъ не замыкалъ себя исключительно въ ихъ кругѣ, а оставался въ постоянномъ общеніи съ людьми дѣла и людьми officialнаго міра, служа какъ бы живымъ звеномъ между міромъ мысли и міромъ вѣдѣтельности. Особенно дорожилъ онъ близостью къ всеотрезвляющей средѣ простой крестьянской жизни, въ которую онъ такъ охотно погружался, живя дѣлтомъ подолгу въ своихъ деревняхъ и входя въ непосредственное общеніе съ народомъ, — въ то дѣйствительное общеніе, которое такъ рѣдко давалось даже „народолюбивымъ“ помѣщикамъ добраго стараго времени. Такимъ образомъ, не занимая никакого officialнаго положенія, дѣлая свое время между Москвою, Европою и деревней и всегда вездѣ внимательно прислушиваясь ко всему и въ свою очередь подавая на все свой голосъ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, которое давало ему вѣсъ и значеніе, съ которымъ считались современники и которое, когда Д. Н.—ча узнають ближе наши современники, будетъ за нимъ признано и ими.

Онъ былъ, какъ изъ сказаннаго заключать читатели, „человѣкомъ общественнымъ“, чтобы не сказать общественнымъ дѣятелемъ. Этимъ послѣднимъ словомъ не хотѣлось бы его называть потому, что ходячее представленіе объ общественномъ дѣятелѣ, сложившееся у насъ за послѣднія десятилѣтія, нѣсколько окрашено духомъ отрицательнымъ,

а у Д. Н. не было и тѣни этой именно окраски. Общественный дѣятель на языкѣ современномъ есть какое-то противоположеніе дѣтелямъ государственнымъ, правительственнымъ; онъ самъ себя почитаетъ противовѣсомъ, симъ послѣднимъ, людямъ стоящимъ на почвѣ чисто виѣшняго формализма, тогда какъ онъ мнитъ себя быть выразителемъ запросовъ живой дѣйствительности, — тѣхъ запросовъ, котор. корниятся въ глубинахъ ему одному доступныхъ и совершенно невѣдомыхъ и непонятныхъ официальнымъ людямъ, которые вслѣдствіе этого самаго непониманія игнорируютъ и подавляютъ даже все живое. Общественный дѣятель непремѣнно протѣвоборствуетъ; онъ постоянно въ антагонизмѣ. Ничего подобнаго не было въ Д. Н. Онъ себя никому и ничему не противопоставлялъ. Его единственное желаніе было — приносить себя, свои знанія, свою опытность, свою, пожалуй, житейскую мудрость, на восполненіе того, что вокругъ него могло нуждаться въ восполненіи, указывая при случаѣ правительственнымъ лицамъ ихъ недосмотры, направляя простой народъ, поскольку это отъ него зависѣло, какъ отъ помѣщика (но съ совершеннымъ и сознательнымъ уваженіемъ къ его бытовому и духовному строю), къ достиженію лучшихъ порядковъ домостроительства частнаго и общественаго; разъясняя, наконецъ, въ дружественныхъ спорахъ людямъ своей среды то, что, по его мнѣнію, они склонны были либо не въ мѣру идеализировать, либо, наоборотъ, не въ мѣру же порицать. Онъ былъ человѣкъ общественный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ томъ смыслѣ, въ которомъ такъ опредѣлительно охарактеризовалъ самое „общество“ А. С. Хомяковъ. Вотъ почему мы сказали въ началѣ, что для уясненія того, чѣмъ былъ Д. Н. всего удобнѣе воспользоваться той точкой зрѣнія на явленіе соціальной жизни, которую мы находимъ именно у Хомякова. „Дѣленіе права, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности ¹⁾, — соотвѣтствуетъ дѣленію самихъ жизненныхъ отправленій — тремъ областямъ дѣятельности.

¹⁾ Соч. т. I, стр. 746.

частной, общественной, государственной. Между первой и последней лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною дѣятельностью. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково бездѣльна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такова дѣятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ все отъѣтъ все особенности земли и народа и обуславливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, если бы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать... въ своей частной дѣятельности человѣкъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной онъ зиждитель и творецъ историческихъ судебъ².

Однимъ изъ представителей нашей общественности, принятой именно въ смыслъ вышеприведенныхъ словъ, былъ Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ и если таковымъ его знали и понимали его современники, то небезынтересно будетъ и нашимъ современникамъ узнать изъ его письменныхъ произведеній—сначала какъ вырабатывался усматриваемый нами въ немъ характеръ: это мы узнаемъ изъ записокъ, захватывающихъ годы юности автора до его женитьбы; затѣмъ какъ мыслить онъ въ эпоху уже зрѣлаго возраста—это можно извлечь изъ его напечатанныхъ статей; несмотря на то, что онъ все біографическаго содержанія: и, наконецъ, если когда-нибудь обнародована будетъ его обширная переписка мы узнаемъ въ подробности его политико-соціальную программу, основанную несомнѣнно на близкомъ знакомствѣ съ жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Конечно, нельзя сказать, чтобы общественная дѣятельность Д. Н. выразилась въ какихъ-либо конкретныхъ фактахъ, какъ результатъ оной; но не въ этомъ практическомъ смыслѣ мы почитаемъ его образцомъ человѣка общественнаго: такого рода „практичности“ можно скорѣе ожидать и требовать отъ „общественнаго дѣятеля“ въ упомянутомъ выше смыслѣ; человѣку же общественному дос-

таточно воплоти того, что онъ живетъ общественными интересами, способствуетъ по возможности ихъ разъясненію и поддерживаетъ въ себѣ и въ другихъ—это главное—живую отзывчивость ко всемъ явлениямъ человѣческаго пониманія (*entendement*) во всемъ, по возможности, разнообразіи его. Этимъ послѣднимъ свойствомъ отдѣльныхъ лицъ, своихъ членовъ, вырабатывается и укрѣпляется само общество, значеніе котораго такъ велико въ судьбахъ человѣчества. Больше чѣмъ гдѣ-либо—у насъ люди общественны цѣнны и необходимы: лишь черезъ нихъ можетъ вырабатываться общественное мнѣніе, столь еще у насъ хилое, и не только вырабатываться умозрительно, но и получать права истиннаго гражданства, основаннаго не только на достоинствѣ выражаемой мысли, но и на личныхъ качествахъ гражданской неподкупности и нравственной силѣ ея выразителей. Помимо этого этического фактора, общественная мысль не можетъ никогда получить настоящаго созидательнаго значенія ¹⁾. Такихъ представителей общества намъ нужно теперь не менѣе чѣмъ когда-либо; и это тоже одна изъ причинъ почему умственный и нравственный образъ Д. Н. Свербеева особенно отрадно воскресить чрезъ изданіе всего имъ писаннаго съ дополненіемъ его біографіи, какъ завершенія напечатанной въ настоящемъ томѣ автобіографіи его юности.

Литературную, историческую и бытоописательную сторону этого труда будутъ цѣнить, конечно, различно; но едва ли кто, взявшись за чтеніе записокъ Д. Н., положитъ книгу, не дочитавъ ее до конца. Можетъ-быть, интересъ ихъ объясняется повѣствовательнымъ талантомъ автора; но намъ думается, что онъ заключается еще и въ другомъ, а именно—въ личности автора и его личныхъ свойствахъ, столь ярко выступающихъ въ этихъ запискахъ. Природа щедро одарила Д. Н. тѣмъ, что составляетъ „*conditio sine qua non*“ для челоѣка общественнаго — живостью ума и впечатлительностью въ высочайшей степени; а эти качества

¹⁾ Сознаніе такого этического начала въ пройденной жизни было, вѣроятно, побудительной причиной къ написанію для семьи своей автобіографіи у Д. Н.: *plerique suam ipsi vitam narrare fiduciam potius morum quam adrogantiam arbitrati sunt.* Tac. Agr.

вызываютъ въ душѣ человѣка, ими обладающаго, то, что называется отзывчивостью. Живость ума и впечатлительность вмѣстѣ съ необычайною на все, до мелочей отзывчивостью, отличавшія автора ихъ при жизни, даютъ, кажется намъ, „запискамъ его“ такой необыкновенно живой характеръ, что въ нихъ какъ бы слышишь то, что называютъ англичане *the throb of life*, — пульсацию жизни. Когда эти качества вообще развиты въ обществѣ, бываетъ жива и сильна общественная жизнь, и неудивительно, что, лицо, этими качествами обладающее, заняло такое видное общественное положеніе; вовсе не лица никакого „положенія“ и не заявляя желанія быть признаваемымъ общественнымъ представителемъ *en titre*.

Выставляя такимъ образомъ Д. Н. Свербеева, какъ высокообразованнаго представителя общественнаго самосознанія, нельзя, конечно, обойти вопросъ, какого, однако, направленія держался онъ—своего ли самостоятельнаго или одного изъ тѣхъ, которыя слагались на его глазахъ и при ближайшемъ его участіи?

Опредѣляя свое направленіе, онъ любилъ примѣнять къ себѣ стихъ:

„In moderation placing all my glory...

While Tories call me Whig, and Whigs a Tory“. (Pope).

Но этимъ стихомъ едва ли онъ дѣйствительно выражалъ положительную сторону своихъ воззрѣній. Это было скорѣе выраженіе отрицательное, указывающее лишь на его нерасположеніе къ какимъ-либо крайностямъ. Славянофильскіе друзья почитали его сильно склоннымъ къ западничеству; но, зная, какъ горячо любилъ Д. Н. русскій народъ и какъ хорошо онъ его понималъ въ его бытѣ, вѣрованіяхъ и исторіи, они его, конечно, къ западникамъ настоящимъ не рѣшались причислять. Западники же его сильно заподозривали въ скрытой склонности къ славянофильству, во-первыхъ, потому, что между людьми, для которыхъ они придумали это неподходящее названіе, у него было много истинныхъ друзей, а главное потому, что его твердая приверженность къ русской церковности была слишкомъ въ глазахъ ихъ подозрительна, хотя самъ Д. Н. не-

рѣдко, съ свойственною ему склонностью къ тонкому и безобидному юмору, подшучивалъ надъ тѣмъ, что въ самой православной ревности казалось ему заслуживающимъ шутокъ. Извѣстные его стихи на А. С. Хомякова и его отношенія къ Пальмеру и его оксфордскимъ единомышленникамъ: „Не обратилъ ты Альбіона! Увы, ревнитель Аарона, не миръ съ твоея браны ¹⁾ сошло на счастье зады“ и т. д., восклицаніе въ нихъ по адресу Хомякова Д. Н., считавшій, вѣроятно, что недостаточно идеальнаго представленія о православной церкви для привлеченія западныхъ людей къ этой церкви, и примѣренія ихъ съ ея историческимъ унаслѣдствомъ у грековъ проявленіемъ:

Такимъ образомъ, если Свербеевъ не является вождемъ опредѣленнаго направленія, отличнаго отъ существовавшихъ около него направленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ если онъ не былъ послѣдователемъ „вполнѣ“ ни одного изъ нихъ, а также не былъ представителемъ умственного компромисса между различными направленіями,—что особенно не идетъ къ его живой, впечатлительной природѣ,—то какъ же понять внутренній строй его воззрѣній и убѣжденій, систематическаго изложенія, коихъ онъ намъ не оставилъ (развѣ можетъ-быть мы найдемъ оное въ его еще необнародованной перепискѣ)? Не оставилъ онъ такового, конечно, только потому, что не былъ систематикомъ вообще, а былъ человѣкомъ жизни и дѣла; человѣкомъ же пера онъ былъ лишь постольку, поскольку его живая мысль переливалась (*débordait*) за предѣлы слова и дѣла. Съ помощью однихъ его писаній можно лишь гадательно дойти до уясненія себѣ того міровоззрѣнія, которымъ онъ руководился неуклонно и которое было, повидному, болѣе прирожденное, чѣмъ надуманное. Не даромъ онъ избралъ себѣ девизомъ фразу: „*Mûr en naissant*“. Ясно, что это не было похвалбою самому себѣ: онъ вовсе не былъ склоненъ къ самохваленію: „*mûr en naissant*“ было только выраженіемъ того факта его умственной жизни, который составлялъ отличительную ея черту,— факта прирожденности его направленія, а не логиче-

¹⁾ Намекъ на гонимую въ то время бороду, сохраненію которой, какъ символа свойственной русскому человѣку естественности, придавали большое значеніе Хомяковъ и Аксаковъ.

ской надуманности ея. Умозрительныя направленія, лишь соприкасающіяся съ жизнью въ большей или меньшей степени, не находили въ Д. Н-чѣ своего представителя или послѣдователя: онъ былъ живой представитель самаго „снп-теза“ русской жизни, не расшатаннаго полуторавѣковымъ блужданіемъ нашего т.-н. высшаго общества въ погонѣ за просвѣщеніемъ, предписаннымъ ему извнѣ. Этимъ объясняется вполнѣ, почему Д. Н-ча лично такъ цѣнили тѣ, которые угадывали въ немъ подъ внѣшнимъ обликомъ европейца вполнѣ русскаго человѣка, ни въ чемъ не измѣнявшаго русскимъ традиціямъ; а равно любили и тѣ, которые, отрицая русское направленіе, и не понимая его, все-таки внутренно цѣнили истинно русское, поскольку оно вмѣстѣ съ тѣмъ выражало собою общечеловѣческое.

Русскіе никогда не чуждались общенія съ западными народами. Русскіе же люди семнадцатаго вѣка въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей вполнѣ сознавали необходимость восполнить заимствованіемъ многіе пробѣлы во внѣшнемъ, культурномъ строѣ своего отечества, особенно же въ области научнаго и прикладнаго знанія. Къ такому убѣжденію приходили люди того времени, нисколько не измѣняя своему чисто русскому духу; напротивъ того, они желали способствовать ево впаднѣму развитію и просвѣтленію поставивъ русское просвѣщеніе на путь разумнаго общенія съ другими народами. Очень вѣроятно, что такое направленіе возобладало бы и безъ властнаго и насильственнаго, хотя во многомъ вполнѣ законнаго, вмѣшательства Петра. Но тѣ богатырскіе приемы, которые пустилъ въ ходъ преобразователь для привитія западной цивилизаціи, до такой степени оглушили наше подвергнутое просвѣщенію общество, что въ немъ утратилась живая связь съ исконной русской жизнью; и только чрезъ 150 лѣтъ могло опять пробудиться истинно русское сознаніе, облекшись, по необходимости, въ форму полемическую, а слѣдовательно и отрицательную по адресу того западничаія, которымъ мы такъ глубоко, до самозабвенія, заразились. Къ этому же времени созрѣла и потребность въ извѣстной части нашей умственной среды — въ логической, сознательной аналогіи и въ систематическомъ оправданіи самаго западничаія, которое до этого

времени проявляло себя лишь ~~практически~~. Но для тѣхъ, которые по тѣмъ же или другимъ, не всегда объяснимымъ, причинамъ не утратили живѣй связи съ преданіемъ древнерусскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приняли все хорошее отъ Запада безъ неумѣреннаго увлеченія, — для тѣхъ, явно, не было нужды ни возстановлять въ себѣ того, чего они не утрачивали; ни умирять въ себѣ вліяніе иноземное, которое никогда ихъ не доводило до отрицанія своего родного. Тѣ, которые принадлежали къ этому, къ сожалѣнію, немногочисленному, разряду составляли изъ себя бытовое направленіе, стоявшее не между другими, а рядомъ съ ними. Когда же оно, это бытовое русское направленіе выражалось людьми высокообразованными и живыми, то въ ихъ лицѣ оно легко дружилось съ представителями направлений умозрительно полѣмическихъ и даже, можетъ-быть, благотворно на нихъ воздѣйствовало не доводами или разсужденіями, а живымъ осуществленіемъ такого культурнаго типа, который былъ симпатиченъ и тѣмъ и другимъ и который одинаково цѣнили самые ожесточенные между собою противники.

Къ такому именно типу образованныхъ русскихъ людей принадлежалъ, думается намъ, покойный Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ, и этимъ объясняется его роль въ умственной жизни Москвы, а черезъ нее въ общекультурной жизни всего нашего общества.

Сказанное въ этихъ строкахъ окажется, надѣмся, излишнимъ для правильной оцѣнки или, по крайней мѣрѣ, для правильнаго отбѣненія личности Д. П. Свербеева. Но, конечно, прочитавъ самую книгу, читатели сумѣютъ оцѣнить въ авторѣ не только челоуѣка, но и писателя и, конечно, пожалѣютъ о томъ, что ему не суждено было довести до конца того цѣннаго труда, къ которому онъ приступилъ наклонѣ дней своихъ.

Д. Х.

С. Богучарово,
1899 г. сентября 12.

Записки моего отца писались не для печати и потому не имѣютъ характера литературнаго труда. Ихъ диктовалъ мнѣ отецъ въ послѣдніе годы своей жизни, какъ разсказъ о своей молодости для семьи. Такъ и относилась я къ этимъ запискамъ въ теченіе 25 лѣтъ и не думала ихъ печатать. Желаніе сохранить для третьяго уже поколѣнія нашей семьи нравственный обликъ прадѣда и его времени измѣнило мой взглядъ; въ этомъ смыслѣ перечитывая внимательно нашу семейную хронику, я увидала, что время дало ей цѣну бытового очерка, и я себѣ сказала: отчего не предложить не однимъ внукамъ, но и всему новому поколѣнію, вступающему въ XX вѣкъ, правдивую бытовую картину первой четверти XIX?

Въ заключеніе, какъ наслѣдство внукамъ, передаю эпиграфъ стараго портфеля, который вручилъ мнѣ отецъ, когда началъ диктовать свои «Записки»:

In moderation placing all my glory
While Tories call me Whig and Whigs a Tory.
(Pope.)

(Вся моя слава въ чувствѣ мѣры: виги называютъ меня торіемъ, а торіи—вигомъ.)

Издательница

Софья Свербеева.

25-го февраля
1899 г.